

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/95/13

«Правдивая душа»: автобиографичный рассказ Ф.В. Волховского в «Сибирской газете»

Александр Евгеньевич Мазуров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, rumatamonteg@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается рассказ революционера-народника Ф.В. Волховского «Правдивая душа» в «Сибирской газете» (1886). В рамках исследования делается акцент на автобиографичности: «самотугинское царство» (рассказ) сопоставляется с «паучьим» из воспоминаний публициста «Отрывки одной человеческой жизни» в журнале «Современник» (1911–1912). Делаются выводы о том, что реальные факты из биографии Волховского 1850-х гг. стали гармоничной частью конструируемого автором образа Сибири. При этом в мемуарах события приобретали большую конкретику: Волховский критиковал социальный уклад, а не поступки конкретного человека, прямо прописывая социальный подтекст.

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, «Правдивая душа», «Отрывки одной человеческой жизни», «Сибирская газета» (1881–1888), «Современник» (1911–1915), рассказ, автобиография, воспоминания, Дж. Кеннан

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е. «Правдивая душа»: автобиографичный рассказ Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 230–244. doi: 10.17223/19986645/95/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/13

"A Truthful Soul": Feliks Volkhovsky's autobiographical short story in *Sibirskaya Gazeta*

Alexandr E. Mazurov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
rumatamonteg@gmail.ru*

Abstract. The article examines the short story "Pravdivaya Dusha" [A Truthful Soul] by the revolutionary populist Feliks Volkhovsky (1845/1846–1914), published in *Sibirskaya Gazeta* (1881–1888) in 1886. The study focuses on the autobiographical nature of the short story, which Volkhovsky revealed in one of his letters to the American journalist and researcher George Kennan. The story is Volkhovsky's full-fledged literary interpretation of his biography and childhood memories. In the story, the author interprets the "first revolutionary act" that occurred in 1852–1853 – an attack on the

grandfather on whose estate he witnessed the punishment of one of the serfs. The plots, narrative, specific details, motifs, and imagery are almost entirely aligned with Volkhovsky's memoirs, *Excerpts of a Human Life*, published in *Sovremennik* in 1911–1912. In the story, Volkhovsky demonstrates the awakening of a desire in a person to fight against evil and social injustice, numerous examples of which the protagonist Kolya observed at the Zhurcheevskaya mill, and Volkhovsky himself, at the age of seven, witnessed in the "spider's kingdom" of his grandfather's estate in the village of Moisevka, Poltava Province. Like the story, the memoirs are divided into episodes and lack a cohesive plot. All actions are "strung together" by a single motif – the desire to show the awakening in a person's soul of a sense of injustice and rejection of the existing social order, where one person oppresses another. The article compares the images of the "spider's" (memoirs) and "Samotugin's" (story) "kingdoms". Despite the autobiographical nature and the fact that the "episode" that became the basis of the story took place in the 1850s, the narrative seamlessly "grounds" itself in the Siberian reality of the 1880s. This is primarily due to the pre-reform way of life in the region, which Volkhovsky consistently highlighted in his works: despite the abolition of serfdom, the oppression of peasants by "district predators" and "pompous officials" continued in Siberia. The story "A Truthful Soul" in *Sibirskaya Gazeta* becomes part of a series of earlier works published by Volkhovsky under the pseudonym Ranunculus, depicting the life of the "little man" in Siberia. However, the image is completely inverted – unlike his predecessors, Kolya finds the strength to fight back. The ending itself and the theses articulated by Volkhovsky take on a more concrete meaning in the memoirs: Volkhovsky criticizes not the actions of a specific individual but the social order itself, explicitly outlining the social subtext, which was impossible in "A Truthful Soul": *Sibirskaya Gazeta*, as a provincial publication of the 1880s, was subject to preliminary censorship.

Keywords: Feliks Volkhovsky, "A Truthful Soul", "Excerpts of a Human Life", "Sibirskaya Gazeta" (1881–1888), "Sovremennik" (1911–1915), short story, autobiography, memoirs, George Kennan

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. (2025) "A Truthful Soul": Feliks Volkhovsky's autobiographical short story in *Sibirskaya Gazeta. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 230–244. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/13

Введение

«Сибирская газета» выходила в Томске в 1881–1888 гг. и была одним из первых частных изданий. Главной особенностью издания была «литературоцентричность»: художественно-публицистические материалы появлялись почти в каждом номере и становились основным содержательным стержнем. В газете публиковались как местные авторы – П.М. Головачев, Ф.Ф. Филимонов, А.В. Адрианов, так и сосланные в Сибирь писатели и поэты: К.М. Станюкович, Г.А. Мачтет, С.С. Синегуб и другие [1. С. 18–65]. Именно публицисты с их идеологическими установками, литературным прошлым во многом повлияли на облик оппозиционного издания, способствовали его популярности. Постоянным сотрудником и «негласным редактором» газеты был поэт-народник Ф.В. Волховский (1845/46–1914) [2].

Публицист был сослан в Сибирь в 1878 г. по «процессу 193-х»; сотрудничать с «Сибирской газетой» начал с 1882 г., перебравшись в Томск из Тюкалинска [3. С. 60–65]. Начиная публиковаться как театральный рецензент, он быстро стал основным фельетонистом издания [2]. В «литературоцентричной» газете за восемь лет существования было опубликовано более 350 художественных и художественно-публицистических произведений, из них порядка 100 написано поэтом-народником. Основным жанром для Волховского был фельетон, но также в «Сибирской газете» опубликовано семь рассказов публициста под псевдонимом *Ranunculus*. Главным мотивом рассказов была жизнь «маленького человека» в Сибири, его бесправное положение [4].

В переписке Волховского и американского журналиста Джорджа Кеннана, автора книги «Сибирь и ссылка» (1891), который посещал регион для изучения пенитенциарной системы в 1885–1886 гг., обсуждался еще один рассказ публициста «Правдивая душа» (СГ. 1886. № 1, 3), опубликованный в «Сибирской газете» [5]. Материал был подписан «И. Б.» – сокращенный вариант традиционного псевдонима публициста «Иван Брут». В переписке Волховский называл одной из особенностей рассказа автобиографичность: публицист осмыслял эпизод из детства, в дальнейшем охарактеризованный им как «первое революционное дело».

Цель исследования – рассмотрение автобиографичности рассказа Ф.В. Волховского «Правдивая душа», вышедшего в «Сибирской газете» в 1886 г., а также сопоставление произведения с воспоминаниями публициста «Отрывки одной человеческой жизни», опубликованными в «Современнике» (1911–1915) в 1911–1912 гг. В рамках исследования основное внимание уделяется содержательным особенностям материалов, их поэтике. Основными методами исследования являются содержательный и сравнительный анализы.

Творчество Волховского часто становилось предметом научной рефлексии. Исследователи советского периода (см.: [2, 3, 6–8]) чаще всего фокусировались на обзоре творчества публициста периода сибирской ссылки, не обращая к анализу конкретных произведений. Современные исследования также посвящены рассмотрению творчеству автора в контексте сотрудничества с газетой (см.: [1, 9]) либо фокусируются на фельетонном творчестве [10]. Очерки и рассказы Ф.В. Волховского под псевдонимом *Ranunculus* рассматриваются в научных трудах, посвященных литературному регионализму [1] и рецепции классики в «Сибирской газете» [4, 11]. Рассказ «Правдивая душа» упомянут лишь в одной работе, при этом не рассматривается подробно и не обозначается как принадлежащий перу публициста [1].

«Самотугинское царство»: рассказ «Правдивая душа»

Сюжет рассказа «Правдивая душа» повествует о семилетнем мальчике Коле, который вместе с матерью Варварой Андреевной после смерти отца был вынужден покинуть Тверь и уехать в имение деда Евстигнея Панкратьевича Самотугина в Сибирь, на берег реки Журчейки. Варвара Андреевна обратилась к свекру, чтобы воспитать сына и «сделать из него человека».

Самотугин сообщил, что не сможет периодически помогать деньгами, но предложил «невестке» поселиться у него: «...Варвара Андреевна поняла, что ему нужен в ее лице женский “хозяйский глаз”, но ей не оставалось выбора, и она приехала» (СГ. 1886. № 1).

Волховский описывал прибывших, делая акцент на их чужеродности «самотугинскому царству»: «...надетый на женщине ватерпруф, платочек, которым была повязана ее голова, хотя простенькие и запыленные летним путешествием, носили на себе отпечаток самостоятельного вкуса и тонкого изящества, неизвестных захолустью; да и самые фигуры матери и ребенка, рядом со здоровыми, крупными и несколько медлительными фигурами типичных сибиряков, показались бы слишком “жидкими”, слабыми и вместе – более легкими, впечатлительными и отзывчивыми». Показательным является фрагмент приезда семьи на Журчейку, когда Коля чуть не выпал с подскочившей на камне телеги: «Целая стая собак с оглушающим лаем налетела на наших путешественников, которые, оставив влеве мельницу, проехали уже огромный двор и теперь приближались к одной из двухэтажных хозяйственных построек» (СГ. 1886. № 1). Таким образом публицист демонстрировал враждебность «самотугинского царства» «правдивой ребячьей душе», несмотря на теплую встречу управляющим мукомольней.

В рассказе публицист обращался преимущественно к контекстуальным изобразительно-выразительным средствам: ключевыми приемами выступали антитеза и сравнение. Так, образу матери с сыном противопоставлен сам Самотугин: «В большом мягком кресле, обдерганном и обтертом добела на выпуклых местах когда-то полированного “под орех” дерева, сидел громадный, тучный, бегемотообразный мужичина в одном белье и накинутом сверху замусленном люстриновом чекмене» (СГ. 1886. № 1). В фигуре свекра Варвара Андреевна, «считавшая в числе своих знакомых цвет русской мысли», видела «черствость либо неразвитость». Для ее сына, Коли, главного героя повести, Самотугин стал чем-то вроде «уродливого, неподвижного, но могущественного китайского бога, от которого все исходит и которому все поклоняется».

В образе Евстигнея Панкратьевича ощущается гиперболизм. Публицист рисовал неповоротливого гиганта, подчеркивая его безразличность к человеческим отношениям и чувствам. При этом в описании Самотугина проявляется натуралистичность, все его действия так или иначе «привязаны» к материальному миру: «Разложив руки на стоявшем перед ним круглом столе, глядел перед собой; по-видимому, единственным его занятием в настоящую минуту было усиленное потенье: рябое, красное лицо его сильно лоснилось, на лбу выступили крупные капли, и даже черные, с легкой проседью волосы на непропорционально малой голове лоснились и, казалось, слиплись в стручки. По временам гигант приподымал руку и чесал в курчавой черной бороде, имевшей вид плохого, раздерганного войлока» (СГ. 1886. № 1). Важным является отношение к Самотугину других «смертных»: при его появлении «все они почтительно вставали и благоговейно снимали шапки».

С образом деда в первую очередь контрастировал сам Коля. Одной из ключевых черт в образе мальчика является «хрупкость»: «Коля был ребенок довольно слабый физически, робкий, выросший под крылышком матери, в теплой атмосфере вечных материнских страхов по тому поводу, что он у нее один». Показательной является характеристика, которую дал Коле Самотугин, обращаясь к его матери во время ужина: «И что это ты так заморила мальчонку, – смотри, какой плохой: ничего он у тебя не стоит!».

Фабула рассказа складывается из различных примеров несправедливости на мукомольне, свидетелем которых стал главный герой, и которые так или иначе связаны с Евстигнеем Панкратьичем: обвешивание мужиков, торговавших пшеницей; заем денег крестьянам с их дальнейшим обманом; увольнение старика-посельщика Петрова с выплатой ему копеечной зарплаты; и, наконец, избиение рабочего Клепцова, донесшего на беспатентную торговлю вином. Рассказ разбит на эпизоды, не связанные единым действием, но объединенные мотивом изменения отношения главного героя к деду. Понимая со временем всю суть «самотугинского царства», событий, свидетелем которых он стал, Коля начал отказываться молиться за Евстигнея Панкратьича перед сном, оказывал ему лишь внешние признаки почтения, не желая расстроить мать, а в конечном итоге, под впечатлением от увиденного «окровавленного, страдальческого лица Клепцова», ударил деда:

Все, что накопилось в доброй и правдивой душе мальчика за время его жизни в самотугинском царстве, все это слилось во что-то одно, могущественное, толкавшее его вперед... Бледное личико Коли стало решительно, он схватил валявшееся на земле тоненькое полено и побежал в дом.

Евстигней Панкратьич сидел за столом, спиной к двери и пил чай. Из блюда, в которое дул Самотугин, держа обеими руками, поднималось целое облако пара. Он не обратил никакого внимания на хлопнувшую дверь в сених. Веры Андревны в комнате не было. Задерживая дыхание и глотая слезы, весь бледный и дрожащий, Коля, в своих пижамках, подкрался к Самотугину и, подняв обеими руками полено, изо всей силы хватил его по жирной спине...

Он отомстил, как умел, за поруганного человека (СГ. 1886. № 3).

Стоит отметить, что в завершении рассказа имя матери главного героя меняется: «Варвара Андреевна» становится «Верой». Вполне вероятно, что это просто опечатка, допущенная в публикации, но также есть вероятность, что Волховский таким образом указывал на потерю маленьким героем веры в доброту, правильность существующих в обществе отношений. Автор через данный образ как бы подчеркивал взросление главного героя, пробуждение в нем чувства социальной несправедливости, ответственности за наблюдаемые явления.

Рассказ «Правдивая душа» гармонично вписывается в общую канву творчества Ф.В. Волховского в «Сибирской газете». Во многом произведение является развитием образа «маленького человека» в сибирских реалиях, создаваемых в рассказах публициста под псевдонимом *Ranunculus* (1882–1884). Герои рассказов, сталкивались с фактами социальной несправедливо-

сти, отказывались от дальнейшей борьбы, сдавались и, как правило, умирали. Семилетний «хрупкий» Коля, напротив, нашел в себе силы для ответа, пытался отстоять правду. Важной отсылкой к рассказам, опубликованным под псевдонимом Rapunculus, является и определение Журчеевской мукомольни как «захолустья» – данный образ как топоним, абстрактный сибирский город с его неразвитостью, неоднократно встречается в текстах публициста. Именно на контрастных описаниях, конфликте дореформенного уклада, черствости и неразвитости «самотугинского царства», с одной стороны, и правды, носителями которой выступают сын и мать – с другой, и выстраивается сюжет произведения. Такое разделение гармонично вписывается в создаваемый автором сибирский миф с «его собственными Кондратами и Котами, феями и нечистью», где Сибирь предстает диким краем, нуждающимся в срочных реформах [10. С. 181–185].

Показательной является молитва, придуманная Варварой Андреевной, которую читал Коля перед сном: «Боже, молю Тебя: сохрани маму, бабушку и всех добрых людей, вложи доброту в сердца злых и защити обиженных; освободи томящихся в темницах, возврати разум безумным и утешь несчастных; помяни папу и бабушку и дай мне всегда поступать хорошо» (СГ. 1886. № 1). Именно в молитве проявляется характеристика Коли как резонера, дающего оценку происходящему. Впервые узнав об обвешивании крестьян и все еще веря в самотугинскую честность, он восклицал: «Стыдно обманывать! <...> Дедушка, как узнает, рассердится!».

Завершается история маленького Коли открытым финалом. Через шесть дней после нападения на деда, накануне Нового года, мальчика с матерью вместе с «несложными пожитками» изгнали с Журчейки, предоставив подводу до ближайшего города. Единственными их деньгами были собранные желающими помочь работниками мукомольни шесть рублей: «Возница оглянулся на седоков, убедился, что все готово, задергал вожжами, гикнул... и правдивая ребячья душа отправилась в неведомый и чуждый ей мир искать пристанища и признания своего права на жизнь. Неужели же она не найдет их? Как вы думаете, читатель?» (СГ. 1886. № 3). Финальный вопрос был для публициста риторическим, он пытался открыть читателю глаза на дальнейшую нелегкую судьбу главного героя, как бы побуждая общество к изменениям.

Во время жизни на Журчеевской мукомольне Коля много общался с крестьянами, простыми мужиками, которые и помогли в итоге собрать деньги на дорогу. Главным и единственным для героя рассказа другом был работник мукомольни Костька. Таким образом раскрывалась ориентация Волховского на сближение с простыми людьми, народнические идеологемы – с романтизацией деревенского уклада жизни. Сам публицист был сослан в Сибирь за вступление в противозаконное общество «со знанием его преступных целей и попытку побега», он был организатором революционных кружков в Одессе и Херсоне [12. С. 221].

Образ Костьки в рассказе является связующим звеном между «самотугинским царством» и сельской жизнью, полной открытий для главного героя. В рассказе Костька описывается как работник при «материальном»:

«краснощекий, курчавый малый, лет 19–20, чрезвычайно исполнительный, чрезвычайно подвижной и чрезвычайно всем довольный, который совмещал в себе целую энциклопедию самых разнообразных сведений и талантов» (СГ. 1886. № 3). Параллельно работе на Самотугина, «мыканьем» между хлебными амбарами и докладами управляющему, Костька успевал обучать Колю кататься с горки, помогая преодолеть страх, делал ему свистульки, рассказывал о различных поверьях и крестьянском быте. При этом сам работник, привыкший к жизни на мукомольне, не видел ничего зазорного в обвешивании крестьян и с «холопской гордостью» рассказывал об этом. Волховский в данном образе демонстрировал, как чистая, правдивая душа ассимилируется, годами находясь под воздействием среды. Показательным является и описание тяги Костьки к семилетнему, еще не ставшему частью «самотугинского мира» мальчику: «Общение с Костькой открыло перед Колей целый неведомый ему дотоле мир. Со своей стороны и Костька, несмотря на разницу лет, находил истинное удовольствие в приятельских отношениях с Колей» (СГ. 1886. № 3).

Наиболее остро народнические идеологемы находили отражение в описании встречи Коли с уволенным из-за старости «посельщиком» Петровым. Обращаясь к «Николеньке», Петров рассказывал, что получил 2 рубля 33 копейки расчета из-за списания средств за приобретенное «по хозяйской расценке». Завершался эпизод восклицанием пьяного рабочего: «– С горя, ей-Богу!.. Два года ведь... А все жалованье в книжке – забор! Бог с тобой, бери! Тебе больше надо... А мне и два рубля тридцать три довольно... Ну, мне довольно – старухе не довольно! Она лежит ведь у меня, робить не может. У тебя внук? А у меня старуха!.. Николинька, ручку!..». Именно с данного фрагмента публицист обозначал изменения, произошедшие в детском сознании: «Взгляд Коли на деда давно уже изменился. Изю дня в день накаплился в душе его горький осадок, и теперь он чувствовал к Евстигнею Панкратычу только неприязненность и страх» (СГ. 1886. № 3).

Одной из отличительных черт рассказа является детализация, что, безусловно, связано с его автобиографичностью. Публицист, создавая яркий образ захолустья во многом реконструировал фрагменты из своего детства. Ярким примером подробного описания интерьера может выступить обозначение в тексте усадьбы: «– Пожалуйста, просим милости!.. Об вещах не извольте беспокоиться: прикажем внести-с..., – любезно говорил Семен Семеныч, вводя путешественников по лестнице в просторные сени, а затем и в большую, не обитую обоями и не выштукатуренную горницу с лубочными картинками по стенам и сборною мебелью – от безобразной “канапели” до старинного, штучно форнированного березовым корнем ломберного стола и хорошенького, новенького зеркала в резной ореховой раме под воск, доставшихся Евстигнею Панкратычу в разное время “по случаю” и за долг» (СГ. 1886. № 1).

Вкрапления, замедляющие действие, становились важными для публициста в рамках создания контраста между «самотугинским царством» и романтизированным образом сельской жизни. Так, встрече Коли с уволенным

стариком-посельщиком предшествует катание на «великолепной» горке; разговор Коли и Костыки об обвешивании крестьян завершается описанием игры с щенятами, найденными в углу сарая: «...он с увлечением целовал поочередно всех девятиерых слепых щенят в розовый носик» (СГ. 1886. № 3). Полноценная деревенская жизнь, сцены быта, таким образом, контрастировали с мертвым, постоянно вписанным в вещную обстановку Самотугиным и совершающимися с его ведома «злоупотреблениями».

«Паучье царство»: воспоминания периода миграции

В марте 1886 г. Волховский с американским журналистом Дж. Кеннаном обсуждал написание мемуаров для американской публики и спрашивал совета, на каком аспекте биографии следует сфокусироваться: общебытовом/художественном или на политическом. Публицист отмечал, что детство сохранилось в его памяти лучше, чем зрелые годы; кроме того, для точного воссоздания революционной деятельности требовались источники, недоступные в ссылке. Он писал, что готов отразить в «полубеллетристических» мемуарах картины крепостного быта Малороссии 1850-х гг., а также очерки гимназии 1860-х гг. В качестве примеров своих произведений, по которым возможно судить о будущих мемуарах, Волховский приводил сказку «Фарфоровая чашка»; фельетон-сказку «Ночь на новый год» (СГ. 1884. № 1) и рассказ «Правдивая душа»:

Особенно, в этом отношении, может Вам сказать кое-что «Правдивая душа», так как основная тема рассказа составляет один из эпизодов моего детства; нечто подобное случилось со мною: я, 7–8-летним мальчиком, однажды услышал, как крестьянин, не выполнивший заданной ему работы, стонал и кричал под кнутом управляющего именем моего деда. Хотя я не поступил так решительно, как мой маленький герой (Коля), тем не менее эпизод этот произвел на меня страшное впечатление и имел немало решающего влияния на мою дальнейшую судьбу [5].

Ф.В. Волховский родился в дворянской семье Вадима и Екатерины Волховских в 1846 г. (в ряде источников в 1845 г.). Детство прошло в имении деда в селе Мойсевка Полтавской губернии и в городе Новоград-Волынский (на нынешней территории Украины, ранее входил в состав Волынской губернии Российской империи) [13. С. 478]. Приводя в качестве примера «Правдивую душу», Волховский спрашивал в письме Кеннана, стоит ли воссоздавать в мемуарах подробности из детства или лучше «перенести центр тяжести работы в зрелый период жизни с его политическими стремлениями, борьбой, испытаниями и встречами».

Мемуары Волховского, подготовленные для зарубежной публики, так и не были обнаружены в изданиях «Общества друзей русской свободы» и «Фонда вольной русской прессы», в деятельности которых публицист принимал активное участие после эмиграции. В архиве библиотеки Гуверовского института встречаются черновики воспоминаний Волховского с воссозданием генеалогического древа, написанные на русском языке [14].

В 1906 г. в Санкт-Петербурге издаются его воспоминания о тюремных заключениях: по делу «Рублевого общества», «нечаевскому делу» и непосредственно «процессу 193-х» [15]. В журнале «Современник» в 1911–1912 гг. публикуются воспоминания Волховского из детства – «Отрывки одной человеческой жизни».

«Отрывки» представляют эпизоды из биографии публициста. Первая часть мемуаров, опубликованная в 1911 г., преимущественно описывала жизнь в «новоград-волынском гнезде», вторая, вышедшая в 1912 г., в селе Мойсевка. Во второй части «отрывков» Волховский более подробно, чем в письме, раскрывал «эпизод», который лег в основу рассказа «Правдивая душа» и произошел в 1852–1853 гг. (приблизительная дата восстановлена, исходя того, что публицисту, по его воспоминаниям, на тот момент было семь лет):

Прокоп лежал ничком на земле со спущенными штанами и завернутой на голову сорочкой. На голову его навалился один «десятский», на ногах сидел верхом другой, а ременная «хлиборобская» «пуга» (кнут) поднималась и опускалась, оставляя на оголенной спине темно-красные рубцы <...>.

Мне было всего семь лет. Смысл тех или иных общественных отношений был еще скрыт от меня. Мать всегда говорила мне о дяде, как о чем-то священном, именно потому, что он был мой «дедушка». Но вместе с тем она внушала мне (и подкрепляла свои слова собственным поведением), что нужно быть добрым к людям, так как все люди – братья, что нужно уважать в другом человека, и приучила меня смотреть на всякое телесное наказание (которое никогда ко мне не применялось), как на позор. И вот, в этот момент крайнего возбуждения и напряжения всех внутренних сил я детским инстинктом почувствовал существование причинной связи между двигавшейся передо мною деревянной фигурой и постыдным делом, которого я только что был свидетелем... С горящими глазами и сжатыми, поднятыми вверх кулаками побежал я за Петром Григорьевичем и ударил его, что было сил, в поясницу (выше роста не хватило) (Современник. 1912. Кн. 3).

Публициста и его мать, в отличие от героев рассказа, не постигло выселение из имения. Волховский, с одной стороны, описывал ощущение несправедливости совершенного им поступка, но с другой – характеризовал его как оказавший решающее влияние на всю последующую жизнь, называл «первым революционным делом». Таким образом, автор видел в данном поступке пробуждение понимания неправильности, архаичности существующих общественно-политических отношений и устоявшегося уклада жизни:

Конечно, я был сурово наказан, и не потому только, что того требовал Пётр Григорьевич. Мать искренно ужаснулась моему поступку и постаралась дать мне вполне почувствовать совершенный мною грех: я «поднял руку на родного деда!». И я чувствовал себя страшным грешником. При всем том та, другая сторона этого случая, в которой выразилось естественное возмущение человеческой души против угнетения и унижения человека, не только не была ослаблена, но осталась господствующей в моем сердце (Современник. 1912. Кн. 3).

Волховский описывал детство, которое проходило в селе Мойсевка Полтавской губернии, где числилось 303 души и 120 дворов. Усадьбой владел дедушка публициста по отцу Пётр Григорьевич Волховский: «...одинокий, угрюмый, деревянный старик, с голым черепом, прикрытым резко-очерченным черным париком, словно кругом обрезанным ножом, и с густо нафабреными усами». В Мойсевку будущий публицист переехал вместе с матерью из города Новоград-Волынский. Стоит отметить, что во многом описание сходится с судьбой, которая постигла семилетнего героя рассказа «Правдивая душа», Колю: помимо возраста, «революционного дела», идентичны и конкретные фразы о приглашении матери: «Вот в эту-то усадьбу мать была приглашена Петром Григорьевичем – вести его домашнее хозяйство».

Публицист, как и в «Правдивой душе», описывал в воспоминаниях примеры несправедливости, с которыми ему приходилось сталкиваться в Мойсевке: дедушка позволял себе бить лакеев, издевался над «придурковатым», одиннадцатилетним крепостным мальчиком и «прятал все выжатые соки в крепкую, стоявшую в его спальне, шкатулку с секретным замком». Волховский характеризовал усадьбу в Мойсевке как «паучье царство» (в рассказе – «самотугинское царство»): «Молчаливое присутствие паука трепетно чувствовалось всеми мойсевскими мухами. Все в доме двигались по паркетным полам бесшумно, говорили мало и вполголоса; идя по двору, каждый домоходец исподтишка косился на барское внимание; крестьяне, минуя усадьбу, на таком расстоянии, что и лица их невозможно разглядеть, снимали униженно шапку и несли ее в руках, пока не скрывались из вида» (Современник. 1912. Кн. 3). Стоит отметить, что в воспоминаниях примеры социальной несправедливости не приобретали полного сюжетного раскрытия, как эпизоды в рассказе, часто приводились в рамках общего описания уклада жизни в поместье и приобретали должную оценку за счет эпитетов и противопоставления более крупным композиционным фрагментам.

Помимо прямой, событийной параллели воспоминаний с «Правдивой душой», публицист создавал и схожие образы, контрастирующие друг с другом. Так, семилетнего себя публицист характеризовал, как и Колю, «взросшим под крылом матери». В воспоминаниях из детства Волховский обозначал деда, аналогично Самотугину, вписанным в вещественную обстановку, чуждым человеческим чувствам и радостям: «...с утра садился Пётр Григорьевич у одного из своих окон, сосал свой длинный чубук и поглядывал на двор. Иногда к нему подходил один из его любимых котов – черных, громадных и глупых. Тогда дед тыкал кошке в морду горячею трубкой и хохотал, когда обожженный любимец фыркал и убежал».

Волховский вспоминал одного из своих приятелей в «паучьем царстве»: «У управляющего Михневича был сынишка, такой же круглый, такой же туго-сбитый, как и его отец, и с такой же бульдожьей физиономией, отличавшийся от оригинала, кроме значительно урезанных размеров, и еще теми чертами незаконченности и незрелости, каким щенок отличается от взрослого пса». Из последующего фрагмента видна отсылка к «Костьке» из «Правдивой души»: маленький Миша Михневич при первом же знакомстве

«не без гордости» сообщил: «знаете, папаша меня уже высек!». В воспоминания, как и в рассказе, демонстрировалась испорченность детской души окружающей ее обстановкой, нарушение нравственных ориентиров, происходящее из-за принадлежности к «паучьему царству».

Так как воспоминания затрагивают разные периоды из детства публициста, «паучье царство» (описанное в 1912 г.) контрастирует, в первую очередь, с описанием «новоград-волынского гнезда» (1911 г.). Стоит отметить, что воссоздание публицистом жизни в городе Новоград-Волынский позволяет реконструировать контекст, оставленный за сюжетными рамками «Правдивой души» (жизнь Коли с матерью в Твери и Санкт-Петербурге): «Самые ранние мои воспоминания связаны с Новоградом-Волынским. Там, не помню, на какой улице, стоял чистенький, белый, одноэтажный дом с большими, светлыми окнами, делавшими его “веселым”. И самая жизнь текла в нем, в общем, светло и приветливо» (Современник. 1911. Кн. 4). В «новоград-волынском» гнезде за столом по-доброму шутили, и все в доме мирно существовали. Ключевой отрывок воспоминаний связан с описанием шумного приготовления к Пасхе с «искрящимися рюмками» и «тихой радостью».

Совсем иное значение приобретало описание усадьбы в Мойсевке, которое публицист начинал с рассказа о прошлой хозяйке, «сморщенной, но подвижной» Татьяне Густавовне Волховской: «Когда-то здесь кипела пестрая, махровая, рассыпавшая блестящую жизнь. На хорах гремел оркестр из крепостных музыкантов. В тридцати шести комнатах двигались толпы разряженных гостей... В тенистых, прохладно-томных аллеях сада и парка, среди столетних шелковистых каштанов, морелей, дубов, лип, кустов душистой сирени и бузины, стояли каменные нимфы и сатиры, и раздавался шепот влюбленных пар» (Современник. 1912. Кн. 3). После ее смерти родственники «легендарным количеством подвод» вывезли из сада все, что имело какую-то цену, и в имении поселился дальний родственник Пётр Григорьевич Волховский: «Дальняя часть сада, парк, пруды и прочие прежние затеи были заброшены и запущены. Первая скрипка оркестра и флейта определены в лакеи по дому. Вторая скрипка – Яков Журавель сделан личным камердинером Петра Григорьевича и, в качестве такового, вечно ходил в синяках и пил горькую, ибо служил ежедневно манекеном, на котором барин пробовал крепость своих длинных черешневых чубуков».

Сильно выбивался, в сравнении с образом Петра Григорьевича, дедушка по маминой линии, Матвей Михайлович, являющийся одним из ключевых персонажей «новоград-волынского гнезда»: «Хотя и одноногий, ходивший с помощью костыля и палки, Матвей Михайлович не производил впечатления инвалида. Напротив, это был крепкий, очень красивый, круглолицый, массивный мужчина с черными, как смоль, волосами и усами над бритым подбородком. Его веселые карие глаза смотрели на мир с доверием и бесстрашием, а потому и с удовольствием. Его голос, сочный, звучный и могучий, внушал доверие и бодрость, даже когда дед хотел утратить, сердился и ругался» (Современник. 1911. Кн. 4). Автор как бы создавал образ живого человека, противопоставляя его «пауку», Петру Григорьевичу.

Один из первых фрагментов в воспоминаниях автор посвящал и иному, не как в Мойсевке, отношению к крепостным, в частности со стороны дедушки. Следует отметить, что автор как революционер-народник даже в таком бытовании крепостничества находил «теневые стороны» дворянской жизни. В данной характеристике отражалась невозможность принятия Волховским самого факта неравноценности человеческих жизней, которые в дальнейшем получают полное раскрытие в описании нападения на деда в селе Мойсевка и рассказе, опубликованном в «Сибирской газете»:

Случалось, что дедушка Матвей Михайлович кричал громовым голосом на того или иного преступника из «людей» и даже замахивался палкой, либо костылем; но так как всем было известно, что этот крикун в жизнь свою никого не ударил, то преступник, стоя под громами, старался об одном: чтобы на его лице не промелькнула как-нибудь его полная уверенность в своей безопасности. Случалось, что бабушка Виктория Ивановна раздражалась против Гапки неопределенными, но тем более страшными угрозами по поводу сожженного ею дорогого барского платка или изорванной в стирке кофточки. Но тогда мать шепотом научала меня «просить» за Гапку. Случалось, что Мартошку или Дуняшку ставили на колени. Но тогда я уже без всяких наущений шел просить за своих приятельниц. И предстательства мои всегда увенчивались полным успехом (Современник. 1911. Кн. 4).

Заключение

Таким образом, рассказ «Правдивая душа» Ф.В. Волховского, опубликованный в «Сибирской газете» в 1886 г., является полноценным художественным осмыслением публицистом своей биографии, воспоминаний из детства. Фабула, конкретные детали, мотивы и образы почти полностью созвучны с мемуарами публициста «Отрывки одной человеческой жизни», опубликованными в «Современнике» в 1911–1912 гг. Автор в рассказе реконструировал «первое революционное дело», произошедшее в 1852–1853 гг., нападение на деда, в усадьбе которого он стал свидетелем наказания одного из крестьян. В рассказе публицист демонстрировал пробуждение желания в человеке борьбы со злом, социальной несправедливостью, многочисленные примеры которой главный герой Коля видел на Журчевевской мукомольне, а сам публицист в семилетнем возрасте в «паучьем царстве» своего деда, в селе Мойсевка Полтавской губернии.

Несмотря на автобиографичность, то, что «эпизод», ставший основной рассказа, произошел в 1850-х гг., фабула гармонично «приземлялась» на сибирскую реальность 1880-х гг. В первую очередь, это связано с самим дореформенным укладом жизни региона, на который постоянно указывал в своих произведениях публицист: несмотря на отмену крепостного права, в Сибири продолжалось притеснение крестьян «уездными хищниками» и «помпадурами». В самом рассказе «эпизод» приобретает гораздо большее раскрытие: подробно описываются многочисленные ситуации, связанные с притеснениями крестьян, деревенская жизнь, раскрывается психологизм,

более полно и красочно передаются публицистом собственные чувства. Рассказ «Правдивая душа» в «Сибирской газете» становится вписанным в серию предшествующих произведений, опубликованных Волховским под псевдонимом *Ranunculus*, и описывающих жизнь «маленького человека» в Сибири. При этом образ полностью переворачивается – Коля, в отличие от своих предшественников, находит в себе силы для борьбы.

Как и рассказ, воспоминания, помимо физического разделения на два тома «Современника» (1911 и 1912 гг.), делятся на эпизоды, не имеют цельного сюжета. Все действия «нанизаны» на единый мотив – желание показать пробуждение в душе неприятия существующего уклада жизни, когда один человек притесняет другого. Воспоминания условно создают два хронологических и образных полюса: жизнь в «гнезде» и годы, проведенные в «паучьем царстве», что позволяет на контрасте понять суть «первого революционного дела» и причины, его породившие. При этом в мемуарах само «первое революционное дело» сжимается, что может быть связано как с отказом от использования вымысла, так и с тем, что воспоминания затрагивают детство в Новоград-Волыньске, описание которого в рамках общего объема становится ключевым.

Сам финал и тезисы, озвученные публицистом, приобретают в мемуарах более конкретное значение: Волховский критикует именно социальный уклад, а не поступки конкретного человека, прямо прописывает социальный подтекст, что было невозможно в «Правдивой душе»: «Сибирская газета» как провинциальное издание 1880-х гг. было подвержено предварительной цензуре.

Список источников

1. Жилыкова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
2. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
3. Роцевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень, 1966. С. 51–69.
4. Мазуров А.Е. «Захолустно-провинциальные очерки» *Ranunculus* (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1882–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 42–51.
5. Архив Библиотеки Конгресса (редкие книги и специальные коллекции). «Бумаги Джорджа Кеннана». Ящик 1. «Письма Ф.В. Волховского Дж. Кеннану».
6. Андреев Б.М. О журналистской деятельности предшественников социал-демократии (ссылных народников в Сибири в 70–80 гг. XIX века) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972. С. 75–85.
7. Круссер Р.Г. Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 359 с.
8. Ямпольский И.Г. К библиографии Ф. В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета. № 349. Серия филологических наук. Вып. 74: Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.

9. Жилыкова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.

10. Мазуров А.Е. Фельетонное творчество Ф.В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.

11. Жилыкова Н.В. Русская классика в рецепции «Сибирской газеты» (г. Томск, 1881–1888) // Медиаскоп: электронный журнал. 2012. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>

12. Деятели революционного движения в России: библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 1 / под ред. Ф.Я. Кона, А.А. Шилова, Б.П. Козьмина, В.И. Невского. М., 1929. 406 с.

13. Корнеев А.В., Шахматов Б.М. Волховский Ф.В. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 478–480.

14. Архив Библиотеки Гумеровского института. «Бумаги Феликса Вадимовича Волховского». Ящик 17.3.

15. Волховский Ф.В. Друзья среди врагов (из воспоминаний старого революционера). СПб., 1906. 31 с.

References

1. Zhilyakova, N.V. (2002) "Sibirskaya gazeta", g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavleniye literaturnogo regionalizma ["Siberian Newspaper", Tomsk, 1881–1888, as a Phenomenon of Literary Regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk. 237 p.

2. Domansky, V.A. (1996) F.V. Volkhovsky – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovsky – Unofficial Editor of "Siberian Newspaper"]. In: *Russkiye pisateli v Tomsk* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk. pp. 147–167.

3. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet volnoy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of Free Press in Siberian Exile (On the 120th Anniversary of F.V. Volkhovsky's Birth)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of Literature Study and Teaching]. Tyumen. pp. 51–69.

4. Mazurov, A.E. (2022) "Provincial Essays" by Ranunculus (Feliks Volkhovsky) in Sibirskaya Gazeta (1882–1884). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 42–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/5

5. Library of Congress Archive (Rare Books and Special Collections). "George Kennan Papers". Box 1. "Letters from F.V. Volkhovsky to G. Kennan".

6. Andreev, B.M. (1972) O zhurnalistskoy deyatelnosti predshestvennikov sotsial-demokratii (ssylnykh narodnikov v Sibiri v 70-80 gg. XIX veka) [On Journalistic Activities of Social Democracy Predecessors (Exiled Narodniks in Siberia in 1870-80s)]. In: *Zhurnalistsika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk. pp. 75–85.

7. Krusser, R.G. (1971) *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchno-prosvetitel'skaya rol narodnicheskoy ssylki v Sibiri (70-e – nachalo 90-kh godov XIX veka)* [Socio-Political and Educational Role of Narodnik Exile in Siberia (1870s – early 1890s)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

8. Yampolsky, I.G. (1971) K bibliografii F.V. Volkhovskogo [On F.V. Volkhovsky's Bibliography]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo universiteta*. 349 (74). pp. 184–190.

9. Zhilyakova, N.V. (2008) Mezhdru literaturoy i zhurnalistikoy: felietony F.V. Volkhovskogo v "Sibirskoy gazete" [Between Literature and Journalism: F.V. Volkhovsky's Feuilletons in "Siberian Newspaper"]. In: *Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Tomsk. pp. 333–345.

10. Mazurov, A.E. (2022) *Felietonnoye tvorchestvo F.V. Volkhovskogo v kontekste razvitiya regionalnoy sibirskoy periodiki* [F.V. Volkhovsky's Feuilleton Work in the Context of Regional Siberian Press Development]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

11. Zhilyakova, N.V. (2012) *Russkaya klassika v retseptsii "Sibirskoy gazety"* (g. Tomsk, 1881–1888) [Russian Classics in the Reception of "Siberian Newspaper" (Tomsk, 1881–1888)]. *Mediascope*. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>

12. Kon, F.Ya. et al. (eds) (1929) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: bibliograficheskiy slovar* [Figures of the Revolutionary Movement in Russia: Bibliographical Dictionary]. Vol. 2, Issue 1. Moscow.

13. Korneev, A.V. & Shakhmatov, B.M. (1989) Volkhovsky F.V. In: *Russkiye pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers of 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 478–480.

14. Hoover Institution Archives. "Felix Vadimovich Volkhovsky Papers". Box 17.3.

15. Volkhovsky, F.V. (1906) *Druz'ya sredi vragov (iz vospominaniy starogo revolyutsionera)* [Friends Among Enemies (From Memoirs of an Old Revolutionary)]. St. Petersburg.

Информация об авторе:

Мазуров А.Е. – канд. филол. наук, научный сотрудник учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Mazurov, Cand. Sci. (Philology), research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.03.2024;
одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 12.03.2024;
approved after reviewing 18.05.2024; accepted for publication 19.05.2025.*